

В. Г. Белинский

**Изгнанник, исторический
роман из
смутных времен...**

Виссарион Григорьевич Белинский Изгнанник, исторический роман из смутных времен Богемии, в продолжении Тридцатилетней войны

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2824155*

Аннотация

«...Ибо что такое «Изгнанник» Богемуса? Ни больше ни меньше, как довольно обыкновенный сколок с романов Вальтера Скотта, а отнюдь не оригинальное и самобытное создание. Богемус, по крайней мере в своем «Изгнаннике», шел по пути давно уже истертому и избитому: он хотел в обветшалую раму любви двух лиц вставить картину Богемии во время Тридцатилетней войны и очень неудачно это выполнил. Вы не найдете в его сочинении ни духа того времени, ни верной картины тогдашнего быта, ни героев этой великой эпохи истории человечества...»

Содержание

Комментарии

Виссарион Григорьевич Белинский

Изгнанник, исторический роман из смутных времен Богемии, в продолжении Тридцатилетней войны

*ИЗГНАННИК, ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН
ИЗ СМУТНЫХ ВРЕМЕН БОГЕМИИ, В
ПРОДОЛЖЕНИИ ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ.
Сочинение Богемуса. Перев. с немецкого В.....ъ. С.-
Петербург, в т. вдовы Плюшар с сыном, 1834. Три
части. I–VII, 239; II – 219; III – 231. (8).*

Неизвестный переводчик сего романа жалуется в своем предисловии, что «в последние годы почти исключительно удостоивались (?) перевода на русский язык французские романы, немецкие же сочинения сего рода как бы вовсе не существовали», несмотря на то, что «в Германии столько есть и ежегодно вновь (?) является отличных беллетристов (??), коих генияльные сочинения не известны в русской словесности», и объявляет, что, вследствие сего, он предпри-

нял благое намерение «ознакомить благосклонных¹ читателей с некоторыми, заслужившими славу, современными писателями Германии, и на тщательные переводы по одному из лучших их сочинений посвятить часы своего досуга». Это объявление или обещание, несмотря на детский способ выражения и до крайности неправильную расстановку знаков препинания, должно обрадовать всех истинных любителей изящного, особенно не знакомых с немецким языком, и рецензент, с своей стороны, от всей души благодарит неизвестного переводчика за прекрасное предприятие и желает ему полного успеха. В самом деле, у нас вообще слишком мало дорожат славою переводчика. А мне кажется, что теперь-то именно и должна бы в нашей литературе быть эпоха переводов, или, лучше сказать, теперь вся наша литературная деятельность должна обратиться исключительно на одни переводы как ученых, так и художественных произведений. Теперь курс на *российские* изделия чрезвычайно понизился; публика требует дельного и изящного и, не находя на отечественном языке ни того, ни другого², поневоле читает одно иностранное. Новые погудки на старый лад надоели всем пуще горькой редьки; авторитеты обанкрутились и потеряли

¹ Почему же именно *благосклонных*, а не просвещенных и образованных читателей, или по крайней мере не русскую публику?

² За весьма немногими исключениями, и то в пользу ученой литературы: разумею полезные и благородные труды гг. Устрялова, Сидонского и некоторых других, несмотря на всеобщее коммерческое направление, бескорыстно подвизающихся на пользу и славу отечества.

свой кредит; очарование имен исчезло; словом, наше общество требует уже не мыльных пузырей, а дельного чтения. Оригинальное уже не удовлетворяет его, ибо оно видимо обгоняет в образовании тех корифеев, которым, бывало, поклонялось. Посему надобно пользоваться подобным направлением общества и удовлетворять по возможности его требованиям. Для этого одно средство: знакомство с европейскими образцами в искусстве, европейскою ученостию и образованностию. У нас только богатые люди, и притом живущие в столицах, могут пользоваться неисчерпаемыми сокровищами европейского гения; но сколько есть людей, даже в самых столицах, а тем более в провинциях, которые жаждут живой воды просвещения, но по недостатку в средствах или по незнанию языков не в состоянии утолить своей благородной жажды! Итак, нам надо больше переводов как собственно ученых, так и художественных произведений. О пользе говорить нечего: она так очевидна, что никто не может в ней сомневаться; главная же польза последних, кроме наслаждения *истинно* изящным, состоит наиболее в том, что они служат к развитию эстетического чувства, образованию вкуса и распространению истинных понятий об изящном. Кто прочтет и поймет хотя один роман Вальтера Скотта или Купера, тот будет в состоянии вполне оценить какого-нибудь «Димитрия Самозванца» или какую-нибудь «Черную женщину»^[1], ибо достоинство вещей всего вернее познается и определяется сравнением. Да – *сравнение* есть са-

мая лучшая система и критика изящного. Сверх того, переводы необходимы и для образования нашего, еще неустановившегося, языка; только посредством их можно образовать из него такой орган, на коем бы можно было разыгрывать все неисчислимыя и разнообразныя вариации человеческой мысли.

Итак – честь и слава г. переводчику «Изгнанника» за его прекрасное намерение! Но *намерение* и *исполнение*, к несчастью, не одно и то же; и потому я хочу шепнуть ему на ушко нечто такое, о чем он, кажется, не думал, а именно: мало того, чтобы только *переводить*, надо знать: *что* и *как* переводить. В предисловии своем он сказал, что решился переводить сочинения отличных германских *беллетристов*, а между тем перевел нам не только не отличное, но решительно посредственное произведение. Ибо что такое «Изгнанник» Богемуса? Ни больше ни меньше, как довольно обыкновенный сколок с романов Вальтера Скотта, а отнюдь не оригинальное и самобытное создание. Богемус, по крайней мере в своем «Изгнаннике», шел по пути давно уже истертому и избитому: он хотел в обветшалую раму любви двух лиц вставить картину Богемии во время *Тридцатилетней* войны и очень неудачно это выполнил. Вы не найдете в его сочинении ни духа того времени, ни верной картины тогдашнего быта, ни героев этой великой эпохи истории человечества. Правда, в нем появляется, мельком, на минуту, и то только в конце третьей части, Валленштейн, но для романа не

было бы ни малейшей потери, если бы он совсем не появлялся; правда, в нем вы видите графа Турна, но вы ничего не потеряли бы, если бы совсем его не видели; о Густаве Адольфе и других персонажах великой драмы Тридцатилетней войны нет и помину; да и действие романа начинается почти с того времени, как герцог Фринландский согласился на унижительные просьбы Фердинанда II принять начальство над войском. Только плутни и козни *езуитов* изображены довольно занимательно. Характеров и положений оригинальных нет, почти всё одни общие места; словом, этот роман даже и у нас не был бы из первых. Итак, г. переводчик сделал очень неудачный выбор пьесы для своего дебюта; вот первая и главная его ошибка. Чтобы заохотить публику к произведениям такой литературы, которая мало известна, надобно выбирать творения превосходные и характеризующие дух нации. *Исторический роман* не немецкое дело. Роман *философический, фантастический* — вот их торжество. Немец не представит вам, как англичанин, человека в отношении к жизни народа или, как француз, в отношении к жизни общества; он анализирует его в высочайшие мгновения его бытия, изображает его жизнь в отношении к высшей мировой жизни и остается верен этому направлению даже и в *историческом романе*. Таков он и в других родах поэзии; маркиз Поза не испанец, Макс, Текла и Фауст не немцы, а люди^[2].

Если г. переводчик, знакомый с немецким языком, мало

знаком с современною немецкою литературою, то почему б ему было не посоветоваться с каким-нибудь хорошим критическим сочинением о немецкой литературе, например, хотя с творением иенского профессора Вольфа о изящной литературе Европы в новейшее время, отрывок из коего был помещен в «Телескопе» за 1833 год^[3], и, вместо псевдонима Богемуса, познакомить русскую публику с Тиком, Штефенсом, Шпиндлером и многими другими романистами, о коих Вольф отзывается с отличною похвалою и из коих нам известен только первый, и то почти понаслышке?

Теперь нельзя не упрекнуть г. переводчика также и за совершенство его перевода, хотя он и «надеется, что верно переложил с природного языка на отечественный смысл и красоту подлинника». *Смысл*, может быть, и верен, по крайней мере в его переводе нет нигде бессмыслиц, хотя и есть темнота и сбивчивость в слоге, происходящая от неумения или непривычки владеть языком; но что касается до *красоты* слога, то, если перевод точно верен, значит ее нет в подлиннике. Впрочем, так как этот перевод есть еще первый опыт, то можно надеяться, что последующие будут удачнее. Как бы то ни было, но труд г. В. . . . а заслуживает полное внимание и уважение, сколько по прекрасному намерению переводчика, столько и по его бескорыстности, которая доказывается даже и неудачным выбором подлинника, от коего нельзя было ожидать выгод.

Комментарии

1.

«Димитрий Самозванец» (чч. I–II. СПб., 1830) – роман Ф. Булгарина. «Черная женщина» (чч. I–IV. СПб., 1834) – роман Н. Греча.

2.

См. прим. 156 и 38 к «Литературным мечтаниям».

3.

Отрывок из работы О.-Л.-Б. Вольфа «Die schone Litefatur Europe's in der neuesten Zeit», озаглавленный «Немецкая словесность в девятнадцатом столетии», был напечатан в «Телескопе», 1833, ч. XV, № 9, 10, 12.